

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРИВАТНОЙ СФЕРЕ: ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ И ИНТИМНОСТИ

Ирина Тартаковская

Ирина Тартаковская – старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук. Адрес для переписки: Институт социологии РАН, отдел исследования социальных трансформаций качественными методами, ул. Кржижановского, 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия. Адрес электронной почты: I_Tartakovskaya@yahoo.com.

Изучение приватной сферы уже оформилось в довольно солидную традицию в области гендерных исследований. Еще задолго до того, как последние обрели статус научной дисциплины, главной и зачастую единственной социальной ареной, где гендерные отношения становились видимыми, была семья – один из классических объектов внимания социологии. Однако традиционная социология семьи, в том числе и советская, тяготела к рассмотрению этого института с сугубо функциональных позиций, так как была связана социальным заказом, предполагающим, что «здоровая семья» есть основа «здорового общества». Изучению подлежали прежде всего те аспекты бытования семей, которые были значимы с точки зрения государственного интереса: репродуктивные планы, разводы, формы брачных отношений, воспитание детей. Разумеется, все эти исследования были ценностно перегружены, и за социальными проблемами часто терялся собственно социологический фокус анализа (Мацковский 1989). Другие (внесемейные) практики приватности для советской социологии оставались практически невидимыми, за исключением работ Игоря Кона (см., например, на тему дружбы и сексуальности: Кон 1980; 1992). Надо сказать, что функционализм, нормативность и оглядка на госзаказ характерны и для многих постсоветских текстов, посвященных социологии семьи, которые выполнены практически в той же традиции (Антонов и Медков 1996; Голод 1998).

Однако в целом в 1990-е годы, после возникновения и постепенной институционализации гендерных исследований в постсоветских странах, понимание приватной сферы существенно расширилось. Согласно тому толкованию приватного, которое легло в основу концепции очередного тематического номера *Laboratorium*, в эту сферу входит широкий круг практик и стратегий. К ней относится сфера

интимности и формирования личной автономии, логика которой не может быть полностью конвертирована в логику рыночных отношений. В глобальном мире возрастает значимость приватной сферы, приватное формируется как оппозиция публичному под влиянием рыночного консюмеризма и процессов индивидуализации и плюрализации стилей жизни. В постсоветских странах повышение значимости приватного преломляется в контексте специфического развития капитализма: в современных условиях приватное осознается как убежище от угроз публичной сферы, когда новые практики сочетаются с наследием образов коммунистической эпохи. Я исхожу из того, что аналитически приватную сферу нельзя жестко противопоставлять публичной, так как граница между ними проницаема и имеет переговорный характер и публичные учреждения оказывают влияние на то, что происходит в частной жизни.

Авторов этого номера интересуют изменения гендерных иерархий в частной жизни под влиянием семейной и демографической политики государства, меняющегося идеологического контекста и вызовов глобализации. Также исследователи уделяют внимание выявлению традиционных и новых агентов гендерного контроля и практик сопротивления им, изучению модификации форм организации семьи.

Разумеется, нельзя говорить о том, что характер и даже направленность этих трансформаций едины во всех постсоветских странах. Часть из них, как, например, страны Прибалтики, существует уже в европейском контексте, и их гендерная политика более или менее устойчиво ориентируется на стандарты Евросоюза. А вот в странах Центральной Азии процесс становления национальных государств, наоборот, сопровождается элементами архаизации гендерных отношений. В то же время советское прошлое пока остается существенным фактором, влияющим на гендерные идентичности всех «бывших советских людей», даже если они уже покинули постсоветское пространство (Тартаковская 2006). Внутренние и внешние миграционные процессы настолько сильно проявили себя в постсоветских странах, что применительно к исследованию приватной сферы и идентичностей уместнее говорить не о «постсоветском пространстве», а об изменчивой, но до сих пор связанной общими корнями «постсоветской культуре».

В 2000-е годы в фокус гендерных исследований чаще попадала не приватная жизнь, а явления, связанные с трансформацией публичной сферы, как, например, гендерная асимметрия на рынке труда (Тартаковская 2004; Хоткина 2001), феминизация бедности (Гендерные неравенства... 2004), проблемы женского политического участия (Айвазова 2007), трудовая миграция (Тюрюканова 2002), новые формы занятости и женского предпринимательства (Мезенцева 2002; Чирикова 2002), гендерные репрезентации в рекламе и медиа (Усманова 2000; Юрчак 2000)¹. Выходили также и работы, претендующие на целостный анализ гендерного порядка той или иной постсоветской страны (Российский гендерный порядок... 2007;

¹ Разумеется, указанные работы названы только в качестве примеров, на самом деле в последнее десятилетие в области гендерных исследований опубликовано множество интересных и высокопрофессиональных работ на эти и другие темы. Подробный их обзор не входит в цели настоящей вводной статьи.

Касымова 2007; Журженко 2008). Сосредоточенность на данных проблемах объясняется тем, что наиболее драматичная ломка гендерного порядка связана с изменением экономического, политического и культурного ландшафта территории, которая двадцать лет назад называлась советским государством. Процессы, разворачивающиеся в частной сфере, были в основном продолжением тех тенденций, которые сложились еще в позднесоветское время (Темкина 2008; Роткирх 2002).

Однако постепенно динамичные перемены в системе распределения доходов, занятости, социальной политике, идеологии и ценностно-нормативных установках привели к тому, что постсоветская частная сфера стала претерпевать значимые качественные изменения. К сожалению, в последние годы в странах бывшего Советского Союза количество профессиональных гендерных исследований существенно сократилось. Виной тому является уход многих фондов, поддерживающих эту новую для постсоветского пространства дисциплину (Попкова и Тартаковская, в печати), общая «бедность социологической науки» (Сokolov 2009) и некоторая «геттоизация», то есть замкнутость сообщества гендерных исследователей на самих себя, которая не способствует созданию научных школ и преемственности знания (Барчунова 2002). Как бы то ни было, в настоящий момент социологическая рефлексия существенно отстает от изменений в реальной жизни и даже от их медийного освещения, которое создает немало новых стереотипов и нагнетает моральную панику, например, вокруг массового распространения добровольной бездетности, гомосексуальных отношений и тотальной коммерциализации уже не только женской, но и мужской сексуальности.

Исключением являются, пожалуй, только регулярно проводимые исследования и публикации Европейского университета в Санкт-Петербурге, где была выпущена целая серия книг, очень важных для понимания современных процессов трансформации частной сферы (В поисках сексуальности 2002; Темкина 2008; Новый быт в современной России... 2009; Практики и идентичности... 2010).

Настоящий выпуск *Laboratorium* призван хотя бы частично заполнить этот пробел. Собранные в нем тексты разнородны по методологии и тематике, но их объединяет стремление уловить те новые феномены и сдвиги в области частной жизни, которые наиболее важны и характерны для посткоммунистических обществ.

Так, в статье Жанны Черновой и Ларисы Шпаковской описываются стратегии «молодых взрослых», связанные с организацией их частной жизни. Эти стратегии сопоставляются с дискурсивными предписаниями и государственными управленческими практиками, направленными не только (и не столько) на улучшение демографической ситуации, но и на создание приемлемых, с точки зрения государства, форм семейных союзов. Такой аспект изучения государственной социальной и гендерной политики является весьма актуальным, поскольку эти механизмы управления рождаются буквально на наших глазах, определяя свои явные и подразумеваемые приоритеты. Основное внимание исследователей при этом до сих пор привлекала такая управленческая иннова-

ция, как материнский капитал и последствия ее применения с точки зрения репродуктивных планов российских семей (см., например: Исупова и Костерина 2010), при этом остальные практики воздействия на молодые семьи, как правило, выпадали из сферы анализа.

Жанна Чернова и Лариса Шпаковская не только подробно рассматривают политические меры, с помощью которых формируется представление о благополучной молодой семье, но и сопоставляют их с реальными практиками молодых людей, выстраивающих свои жизненные сценарии в поиске баланса между свободой, привязанностями, профессиональной самореализацией и родительством. В статье также ставится важный вопрос о том, насколько вообще применимо к современной России понятие «второго демографического перехода» (Демографическая модернизация России... 2006).

Тему повседневных практик молодых семей продолжает Юлия Градскова в своей статье, посвященной взаимодействию родителей с дошкольными учреждениями. Огромный дефицит детских садов является признанной проблемой современного российского общества, но Градскова подходит к этому вопросу с неожиданной стороны. Взяв в качестве эмпирической базы исследования интернет-дискуссии, в которых участвуют в основном молодые матери, обсуждающие возможность отдать ребенка в садик, автор рассматривает их с точки зрения дискурсивной конструкции современного российского материнства. Насколько детский сад является вынужденной мерой, насколько предпочтительной? Чувствует ли себя мать «садиковского ребенка» полноценной матерью или мучается от чувства вины? На основе внимательного анализа не только содержания, но и языка, на котором изъясняются участницы данного дискуссионного форума, Градскова приходит к выводу о том, что представления о «нормальности» садика инкорпорированы в структуру современного родительства, и, хотя определенное напряжение между конструкцией женственности и рациональной организацией своего материнства существует, молодые мамы готовы иметь дело с этими учреждениями и бороться за улучшение их качества.

Гендерным аспектам воспитания детей посвящена также статья Клавдии Збенович. Предмет ее исследования – семьи русскоязычных эмигрантов в Израиле. Русскоговорящие, проживающие за пределами бывшего СССР, крайне редко упоминаются в контексте гендерных исследований. Тем не менее, и они, хотя и не живут на постсоветском пространстве, являются носителями постсоветской культуры. Статья Збенович предлагает не социологический, а социолингвистический анализ формирования гендерной идентичности у двуязычных детей, говорящих и на русском, и на иврите. Данная тема – огромная редкость для гендерных исследований. Автор показывает, как переплетаются гендерные маркеры языка и культуры в целом с социализационными практиками, создавая сложную конфигурацию этнических, гендерных и классовых факторов, влияющих на формирование приемлемых рамок поведения для девочек и мальчиков.

Предметом статьи Ольги Бредниковой и Ольги Ткач стала повседневная жизнь женщин-мигрантов. Феномен женской миграции как таковой регулярно привлекает внимание исследователей. Но миграция рассматривается обычно с точки

зрения воздействия на нее глобальных экономических причин и реалий местных рынков труда (см., например: Хушкадамова 2010). Предметом же исследования Бредниковой и Ткач является организация приватной жизни мигрантов, в частности – концепция «дома», который всегда был столь важной для женщины сферой самореализации. Что представляет собой «дом», то есть частное пространство женщины-мигрантки – человека, от своего дома по определению удаленного? В какой степени они чувствуют себя «дома» в стране пребывания? Какие стратегии применяют для «одомашнивания» окружающего их чужого пространства? Собираются ли возвращаться, тоскуют ли по «настоящему дому»? Авторы показывают, насколько гибкими и активными оказываются эти женщины в выстраивании новых форм приватности и социальности, что позволяет им переопределить привычные формы отношений с «чужим» и «своим» пространством. Исследователи приходят к выводу о номадической субъектности женщин-мигранток, трансформирующей формы стабильности, характерные для общества модерна.

Две статьи выпуска посвящены процессам модернизации традиционных обществ, которые, хотя и были, безусловно, подвергнуты воздействию советской гендерной политики, во многом сохранили свою патриархальную специфику. В одной из этих статей, написанной Татьяной Лыткиной, перед читателем предстает подробное этнографическое исследование гендерного режима небольшого дагестанского селения, затерянного в горах. Предложенное автором насыщенное описание повседневных реалий и социальных отношений в этом ауле позволяет получить представление о том, насколько относительный характер имел советский проект модернизации, насколько мало оказались затронуты им этнические окраины империи, даже в пределах Российской Федерации. Лыткина рассматривает эволюцию гендерных отношений на примере трех поколений женщин, принадлежащих к одной семье. Этот методический ход позволяет выявить как устойчивость патриархальной гендерной матрицы, так и ее постепенную эрозию, которая все же происходит по мере медленного включения села в рыночные отношения и систему глобальных коммуникаций.

Статья Софии Касымовой посвящена такому специфическому виду матримониальных стратегий образованных женщин Таджикистана, как браки с иностранцами. Данная работа относится к интереснейшей области изучения системы предпочтений в выборе брачного партнера, которая складывается на пересечении традиционных регуляций, новых ценностей рыночной эпохи и индивидуализации самих потенциальных соискателей. Несколько лет назад особенностям брачного рынка (на примере города Бишкека) была посвящена очень занимательная работа Гульнары Ибраевой (Ибраева 2006). Касымова в своей статье продолжает эту тему и расширяет ее, отслеживая дальнейшую судьбу заключаемых кросскультурных браков. Автор приходит к выводу, что подобные союзы часто оказываются непрочными, что и в них устанавливается достаточно жесткая гендерная иерархия, хотя таджички вступают в брак с европейцами во многом как раз для того, чтобы этой подчиненности избежать.

Статья Татьяны Барчуновой и Оксаны Парфеновой посвящена феномену «плавающей сексуальности», который раскрывается на примере молодых женщин,

практикующих гомосексуальные отношения. Авторы противопоставляют ее «пластичной сексуальности» – термину, предложенному Энтони Гидденсом (Giddens 1992), так как в последнем делается упор на интенциональность субъекта, на его произвольный выбор. Барчунова и Парфенова обращают внимание прежде всего «не только на момент вариабельности и изменчивости опыта, но и на некие барьеры и границы интимного поведения, внешние обстоятельства, ограничивающие свободные проявления желания». Выводы авторов статьи позволяют существенно уточнить постмодернистское прочтение сексуальности как неустойчивой, не ограниченной никакими рамками, кроме как собственным желанием. В этом и заключается принципиально важный вклад этих исследователей в современные теории сексуальности.

Таким образом, предлагаемый вниманию читателя номер *Laboratorium* содержит всего лишь «штрихи к портрету», позволяющие пунктирно обозначить некоторые подходы к очень важным темам гендерной социологии – приватности, сексуальности, способам и мотивам заключения и «проживания» брака, соотношению традиционализма и модернистских устремлений, патриархата и эгалитарных практик. Надеемся, что они послужат стимулом для более широкой дискуссии и внесут в нее свой вклад.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айвазова, Светлана. 2007. «Игра в гендер» на поле российской политики: возможности институциональных изменений // *Россия реформирующаяся*: Ежегодник / Отв. ред. Михаил Горшков. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН. С. 330–347.
- Антонов, Анатолий и Виктор Медков. 1996. *Социология семьи*. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»).
- Барчунова, Татьяна. 2002. «Эгоистичный гендер», или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 180–192. *В поисках сексуальности*. 2002 / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики*. 2004 / Отв. ред. и сост. Марина Баскакова. М.: Едиториал УРСС.
- Голод, Сергей. 1998. *Семья и брак: историко-социологический анализ*. СПб.: ТОО ТК «Петрополис».
- Демографическая модернизация России: 1900–2000*. 2006 / Под ред. Анатолия Вишневского. М.: Новое издательство.
- Журженко, Татьяна. 2008. *Гендерные рынки Украины: политическая экономия национального строительства*. Вильнюс: ЕГУ.
- Ибраева, Гульнара. 2006. *Брачные стратегии в Кыргызстане: поколение отцов и детей (город Бишкек в последние двадцать лет)*. Бишкек: Салам.
- Исупова, Ольга и Ирина Костерина. 2010. Материнский капитал и российские семьи // *Демоскоп-Weekly*. № 443–444. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0443/gender03.php>. Дата обращения: 21.12.2010.
- Касымова, София. 2007. *Трансформация гендерного порядка в таджикском обществе*. Душанбе: Ирфон.
- Кон, Игорь. 1980. *Дружба. Этико-психологический очерк*. М.: Политиздат.
- Кон, Игорь. 1992. *Вкус запретного плода*. М.: Молодая гвардия.
- Мацковский, Михаил. 1989. *Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики*. М.: Наука.

- Мезенцева, Елена. 2002. Профессиональная карьера в банковском бизнесе, или Приближение к «стеклянному потолку» // *Женское предпринимательство в экономике России и СНГ* / Под ред. Элеоноры Ивановой. М.: МЖОО «Конверсия и женщины». С. 71–82.
- Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. 2009 / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Попкова, Людмила и Ирина Тартаковская. В печати. *Академический активизм: между тающей поддержкой фондов и удушающими объятиями государства: развитие гендерных исследований в Казахстане и Кыргызстане*. Харьков.
- Практики и идентичности: гендерное устройство*. 2010 / Под ред. Елены Здравомысловой, Вероники Пасынковой, Анны Темкиной и др. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Российский гендерный порядок: социологический подход*. 2007 / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Роткирх, Анна. 2002. Советские культуры сексуальности // *В поисках сексуальности* / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 128–171.
- Соколов, Михаил. 2009. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная динамика «бедной науки» // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. № 1. С. 20–57.
- Тартаковская, Ирина. 2004. Социальные сети и их влияние на поведение на рынке труда // *Социологический журнал*. № 1/2. С. 129–144.
- Тартаковская, Ирина. 2006. Введение: Постсоветский гендерный порядок в Центральной Азии и Южном Кавказе: неопатриархат или возрождение национальной идентичности? // *Гендерные исследования. Региональная антология исследований из восьми стран СНГ: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана* / Под ред. Ирины Тартаковской. М.: ООО «Вариант»; ИСПГ. С. 5–21.
- Темкина, Анна. 2008. *Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Тюрюканова, Елена. 2002. Женская трудовая миграция из России в контексте миграционного режима // *Россия в XXI веке: экономика, политика, культура*. № 1. С. 123–139.
- Усманова, Альмира. 2000. «Визуальный поворот» и гендерная история // *Гендерные исследования*. № 4. С. 149–176.
- Хоткина, Зоя. 2001. Гендерный подход к анализу труда и занятости // *Гендерный калейдоскоп* / Под ред. Марины Малышевой. М.: Academia. С. 353–377.
- Хушкадамова, Халимахон. 2010. Женское лицо миграции // *Социологические исследования (Социс)*. № 5. С. 99–104.
- Чирикова, Алла. 2002. Проблемы становления женского предпринимательства и интеграционные процессы в России // *Женское предпринимательство в экономике России и СНГ* / Под ред. Элеоноры Ивановой. М.: МЖОО «Конверсия и женщины».
- Юрчак, Алексей. 2000. По следам женского образа // *Женщина и визуальные знаки* / Под ред. Анны Альчук. М.: Идея-Пресс. С. 65–77.
- Giddens, Anthony. 1992. *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Cambridge: Polity.